

Белоногова Е. С.

ЭПИТЕТ КАК РЕПРЕЗЕНТАНТ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНОЙ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА В АНГЛИЙСКИХ ПЕРЕВОДАХ СТИХОТВОРЕНИЯ В. А. ЖУКОВСКОГО "ПЕВЕЦ ВО СТАНЕ РУССКИХ ВОИНОВ"

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/2-1/9.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (21): в 3-х ч. Ч. I. С. 28-30. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

и английский варианты, познакомиться с англоязычными реалиями, немного отступить от шаблонного языка традиционного учебника.

Отбор и классификация лексических единиц или фразовых единств должна выполняться преподавателем, материал, организованный в виде таблиц, предлагается студентам в готовом виде. Студенты могут предлагать свои варианты перевода, переименовывать подгруппы лексических единиц и даже создавать собственную типологию (что является интересным заданием для «сильных» студентов). Преподаватель предоставляет лишь основу для «копилки» эмотивно-оценочной лексики, которая пополняется в дальнейшем студентами самостоятельно, но под наблюдением преподавателя. Создание такого рода «копилки» вовсе не самоцель, она необходима как источник и «подсказка» для речевого самовыражения, которое в дальнейшем формируется посредством комплекса эмотивно-оценочных заданий, который весьма подробно описан в работах доцента СыктГУ Латыпова Р. А. [Латыпов 2007].

Список использованной литературы

1. Латыпов Р. А. Обучение студентов факультета информационных технологий эмотивным высказываниям на иностранном языке как фактор повышения качества подготовки специалистов // Вестник Астраханского государственного технического университета. - 2007. - № 2 (37). - С. 284-290.

2. Weisberger, Lauren. The Devil Wears Prada. - New York: Broadway Books, 2004.

ЭПИТЕТ КАК РЕПРЕЗЕНТАНТ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНОЙ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА В АНГЛИЙСКИХ ПЕРЕВОДАХ СТИХОТВОРЕНИЯ В. А. ЖУКОВСКОГО «ПЕВЕЦ ВО СТАНЕ РУССКИХ ВОИНОВ»

Белоногова Е. С.

Томский государственный университет

Наивысшим достижением в области лирики, имеющей непосредственное отношение к войне 1812 года, бесспорно, является «Певец во стане русских воинов» В. А. Жуковского. О популярности произведения написано немало. Стихотворение переписывали и перепечатывали, в «сотнях списков» разошедшееся по России, оно «принесло автору славу русского Тиртея, воспламенявшего, подобно древнегреческому певцу, боевой дух воинов» [Иезуитова 1982: 32]. «Певец во стане русских воинов» вызвал ряд подражаний и пародий, целые отрывки и отдельные строфы его печатались в многочисленных периодических изданиях, вызывали отклики, и рецензии ведущих литературоведов того времени.

Красота и энергоёмкость слога, живописность картин, концентрация тем и настроений, риторическая страстность речей, масштабность звучания и многоплановость изображения, яркая фоника - все это позволило И. Н. Розанову воскликнуть относительно «Певца во стане» Жуковского: «Богатство содержания изумительное» [Розанов 1946: 77].

Английские литературоведы заинтересовались патриотическим произведением русского поэта. Перевод нашумевшего стихотворения, наполненного патриотической экзальтацией и поэтической выпуклостью, представлял вызов для англичан. Иностранцами было выполнено пять переводов «Певца во стане русских воинов», но только два из них - это переводы произведения полностью. Мы обратимся к двум полным переводным версиям русского произведения и сделаем попытку рассмотреть эпитет системно в стихотворении «Певец во стане русских воинов» В. А. Жуковского и сопоставить его с англоязычными эквивалентами. Мы обратимся в первую очередь к различным по значению словам-определениям в оригинальном тексте и его переводах, а также сделаем попытку исследовать семантические характеристики эпитетов.

Первый перевод был выполнен выдающимся английским литературоведом, политиком и дипломатом Джоном Баурингом (1792-1872) в 1823 году [Bowring 1823: 59-91]. Второй перевод выполнен Вильямом Сондерсом в книге «Стихотворные переводы с русского языка» [Saunders 1926: 17-47]. О Вильяме Сондерсе нам не удалось узнать многое. На титульном листе книги Сондерс именуется «гвардии капитаном саперной службы его императорского величества». Есть сведения о том, что Сондерс проходил службу в России и не понаслышке знал о произведениях, волнующих русскую общественность.

Общий объем эпитетов в русском стихотворном тексте составляет 224 примера. Бауринг в переводе использует 183 эпитета, в то время как Сондерсу для выражения художественного мира произведения понадобилось 392 «украшательного» слова. В «Певце» Жуковского 672 стиха, у Бауринга - много меньше 548, у Сондерса - 663.

Перейдем к семантическим характеристикам основных групп эпитетов. Здесь мы рассмотрим две классификации эпитетов: по их тематической принадлежности и по прямому или переносному характеру выражаемого эпитетами значения.

Первая группа, которая должна быть отмечена - это эпитеты, отражающие различные аспекты чувственного восприятия мира. У Жуковского эпитеты, имеющие в своем значении цветовую семантику, включают слова-определения, связанные с яркостью света, кровью, чистотой, прозрачностью. Их у Жуковского 24 (10,7%). Приведу примеры: *снежные высоты, светлый день, кровавый бой, чистая слава, невидимый вождь*. Есть один эпитет, имеющий обонятельную коннотацию: *ароматная зелень*.

Своеобразен мир чувственных и, прежде всего, зрительных представлений Сондерса. В отличие от Жуковского английский переводчик часто пользуется эпитетами-прилагательными, передающими вкусовые и тактильные ощущения, конкретно называющими цвет, например: *verdant mounts* (зеленеющие горы), *blue yonder* (голубая даль), *pallid cheek* (бледная щека), *refulgent orb* (сверкающая держава), *purple streak* (фиолетовая полоса), *glittering steel* (сверкающая сталь); с обонятельным значением, запахом - *luscious bowl* (ароматный кубок), *fragrant meads* (благоухающие луга), один - с тактильным, осязательным образом предмета: *cold grave* (холодная могила). В этой группе из 55 единиц (14% от общего числа эпитетов) колоративы составляют большинство - 52 единицы (13,3%); обонятельные эпитеты - 2 единицы (около 0,5%); 1 единицу (около 0,25%) - осязательные эпитеты.

Обратимся к эпитетам, которые отражают зрительное восприятие у Бауринга. Всего таких слов-определений 30 единиц, что составляет 16,4% от общего числа исследуемых элементов: *ruby stream* (бордовый поток), *bright sword* (яркий меч), *silver moon* (серебряная луна), *blood-strained iron* (окровавленное железо). 3 эпитета из группы относятся к тактильным ощущениям: *icy paleness* (ледяная бледность), *frozen mortals* (замерзшие люди).

Таким образом, мы видим, что цветовые характеристики преобладают у английских переводчиков, в частности, в переводе Бауринга их в полтора раза больше, чем в оригинальном тексте.

Как можно было заметить по приведенным примерам, далеко не всегда определение, в своем словарном значении характеризующее, например, цвет или форму, встречается именно в контексте своего прямого значения. Так, *pure glory* (чистая слава), *pale Gallia* (бледная Галлия) - характеристики явлений, не способных иметь цветовые определения, кроме метафорических.

Эпитет - слово, образно определяющее предмет или действие, подчеркивающее характерное их свойство, также наиболее употребительно в художественной речи, где оно выполняет эстетическую функцию. Функция метафорических и метонимических эпитетов - 112 единиц у Сондерса (28,6% от общего числа эпитетов) - не вызывает вопросов: давая оценку явлению, автор перевода заставляет читателя включаться в работу по сравнению, эмоциональному восприятию описываемого им мира. Именно так и следует воспринимать эти эпитеты - как метафору: *genial horn* (веселый рог), *treason vile* (низкое предательство), *weeping face of a country* (рыдающее лицо страны), *fierce comet* (жестокая комета), *sweet Minstrel* (сладкий певец), *revengeful blade* (мстительное лезвие), *relentless hand* (безжалостная рука). У Бауринга метафорических и метонимических эпитетов 39, это приравнивается к 21,3% от общего числа рассматриваемых вариантов: *sweet morn* (сладкое утро), *generous heart* (щедрое сердце), *humble lyre* (скромная лира), *calm bravery* (спокойная отвага), в то время как у Жуковского их 57 (25,4%): *очарованный аркан*, *безмолвен щит*, *осиротевшая лира*, *лебединый голос*, *кипящий кубок*.

Рассмотрим звуковые и моторные эпитеты. В русском произведении слова-определения, связанные со звуком и движением составляют 26 единиц (11,6%): *орлиный полет*, *шумная брань*, *быстрые очи*, *окрыленные кони*, *тихий стан*, *свистящие стрелы*, *незвучные струны*, *крылатые полки*, *молниенные крыла*. У Бауринга их 13 (7,1%): *silent watch* (молчаливое наблюдение), *thunder roaring* (громогласное рычание), *stormy worlds* (бушующие миры), *whizzing ball* (со свистом пролетающий снаряд), *wailing loud* (громкое причитание). Сондерс использует 6,9% (27 единиц) эпитетов, передающих звук и движение: *purling streams* (журчащие ручьи), *sounding lyre* (звучащая лира), *silent shield* (безмолвный щит), *loud musket* (громкий мушкет), *bursting sound* (разрывной звук/звук взрыва), из них 6 относятся к наречию *swiftly* (быстро). Можно сделать вывод, что движения и звука в исходном тексте больше.

Чувственное восприятие поэтического мира Жуковским, соединение высокого пафоса и проникновенной лиричности в произведении приводит к использованию эмоционально-насыщенных определений, зачастую утрачивающих или почти утративших предметность. Это - эпитеты со значением сладкий, добрый, нежный, томный. Например: *славные дела*, *верная семья*, *сладостная награда*, *таинственная сень* и т.д. Общее количество эпитетов с чувственным значением - 50 единиц (22,3%). В их число также входит 11 (4,9%) эпитетов, несущих в себе сакральный подтекст: *священный трон*, *святая родина*, *святое братство*.

У Сондерса «украшения речи» со значением сладкий, нежный, относящихся к чувственному восприятию мира составляют 96 единиц (24,5%) от общего числа эпитетов: *generous heart* (щедрое сердце), *sweetest music* (самая сладкая музыка), *glorious name* (славное имя), *heart benign* (доброе сердце), *sweet hour* (сладкий час), *beauteous as the smile of mirth* (красивый как улыбка радости). Из них сакральных эпитетов 14: *divine spot* (святое место), *sacred throne* (священный трон), *solemn sight* (священный взгляд), *pious prayer* (святая молитва), *sacred cross* (священное знамение), *solemn tie* (святые узы). У Бауринга они составляют 37,1% (68 единиц): *glorious victory* (славная победа), *bright memory* (яркая память), *best hopes* (лучшие надежды), *flame shines ever purely* (пламя светит всегда чисто).

Следующая группа - это эпитеты, имеющие отрицательную коннотацию и относящиеся к выражению мрачного, зловещего, ужасного. В русском тексте мы находим такие примеры: *губительная длань*, *гневный взор*, *роковая язва*, *лютая битва*. Жуковский использует 45 негативных элементов (20%). Из них 4% (9 единиц) - это слова, связанных по семантике со словом *кровь*. Общее количество «отталкивающих» эпитетов у Жуковского является преобладающим и не соответствует по численности эмоциональным словам, предложенным англичанами.

У Бауринга эпитеты, связанные со значением страшный, ужасный, мрачный составляют 26 единиц (14,2%): *raging battle* (яростная схватка), *gloomy night* (мрачная ночь), *murderous band* (кровавый отряд), *dying hour* (смертный час), *mortal eyes* (безжалостные глаза/взгляд).

Отрицательные чувства, неприятное, отталкивающее автор второго перевода выражает с помощью 60 эпитетов (15,3%). Приведем примеры: *ruthless Vengeance* (безжалостная месть), *fatal blow* (роковой удар), *piercing glance* (насквозь пронизывающий взгляд), *revengeful ire* (мстительный гнев), *funeral shroud* (погребальное одеяние), *baneful peal* (зубительный звон). Из них 6 (1,5%) эпитетов связаны со значением кровь, кровавый: *sanguinary despot* (кровавый деспот), *bloody brand* (кровавый отряд), *bloody shield* (кровавый щит), *red battle* (кровавая схватка).

Вне сомнения, текст «Певца во стане русских воинов», будучи насыщенным русскими историческими реалиями, представляет сложность при переводе. Богатство его содержания, зачастую выраженное эпитетом, не подлежит сомнению. В английских переводах «Певца во стане русских воинов» преобладают цветочные, метафорические и «чувственные» эпитеты. При помощи приема компенсации переводчики выделяют «краски» русского произведения. Жуковский же нацелен был на другую установку, текст «Певца» обладал силой убеждения и был направлен на подъем патриотического чувства. Соответственно и преобладание в русском тексте эпитетов, рассказывающих об ужасах войны, звуковых и моторных слов-определений.

Список использованной литературы

1. Жуковский В. А. Там небеса и воды ясны... / Под. ред. Иезуитовой Р. – М., 1982.
2. Розанов И. Н. Патриотическая лирика поэтов трех поколений в отечественную войну 1812-1815 гг. // Ученые записки Гос. университета им. Ломоносова. - 1946. - Вып. 118. - Кн. 2.
3. Saunders W. H. Poetical Translations from the English Language. – London, 1823.
4. Specimens of the Russian Poets / Sir John Bowring. – London, 1823. - The Second Part.

РАЗВИТИЕ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 20 ВЕКА

Бородич Е. А.

МОУ ВПО «Волгоградский муниципальный институт искусств им. П. А. Серебрякова»

Развитие детской литературы в первой половине 20 века К. И. Чуковский назвал «ренессансом детской литературы», так как для детей буквально хлынул поток новых молодых имен, происходило открытие еще небывалой поэзии и прозы (К. И. Чуковский, С. Я. Маршак, В. В. Маяковский, Б. С. Житков, А. П. Гайдар, С. В. Михалков, Е. Л. Шварц, К. Г. Паустовский и многие другие). Однако литературный процесс развивался совсем не просто, шли споры о том, какой должна быть литература для нового ребенка?

На рубеже 20 -30-х годов XX века в поэзию приходят новые имена, возникает все больший интерес и к современности и поискам новых путей для разговора с детьми средствами поэзии.

Горький теоретически обосновал право детской литературы на шутку, игру, развлечение, на тенденцию «позабавить» ребенка, который по своим возрастным особенностям «требует забав, и требование его биологически законно». По его мнению, игра применительно к детскому возрасту является наиболее эффективным средством познания окружающего мира, средством познания языка, его тонкостей, его музыки, того, что филологи называют «духом языка». Умело и увлекательно построенная книга может помочь ребенку разобраться в явлениях окружающей его жизни. Горький подчеркивает: «Было бы вредно и даже преступно втискивать детей в "серьезное", слишком грубо насилуя их неорганизованную и податливую волю» [Детская литература 2008: 206].

Одним из величайших представителей детской литературы первой половины 20 века является Корней Иванович Чуковский

В огромной разносторонней литературной работе Чуковского - лингвиста, переводчика, теоретика художественного перевода - была одна область, к которой он относился с особой любовью, а именно детская литература. Он пытался понять, узнать мир ребенка.

Огромную роль он придавал детскому смеху. Главную творческую задачу детской литературы Чуковский видел в создании таких условий, при которых у ребенка формируется детский оптимизм, проявляется заложенное в ребенке творческое начало.

На основании этих глубоких исследований Чуковский создал книгу, аналогов которой, вероятно, нет: «От двух до пяти» (1928). Эта книга построена на фактическом материале, автор задается целью художественного исследования умственной и психической жизни ребенка.

Одним из знаменитейших произведений Чуковского является эпическая поэма «Крокодил». Сказка «Крокодил» была первой, положившей начало всему последующему комическому эпосу в творчестве Чуковского. В ней особенно все: впервые в литературе для детей открывается улица большого города с ее движением, с толпами народа, фантастический темп развития сюжета, где с невероятной быстротой одно событие сменяет другое.

В этой поэме впервые с такой силой игровой фантазии возникнет страна Африка, огромная площадка для всяких приключений, недаром про нее написано так: